

SERBIAN LANGUAGE INSTITUTE OF SASA

LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY
IN THE LIGHT OF CONTEMPORARY
APPROACHES

A collection of papers

Edited by:

Stana Ristić, PhD, scientific advisor

Ivana Lazić Konjik, PhD, research associate

Nenad Ivanović, PhD, research associate

Belgrade, 2016

ISBN 978-86-82873-??-?

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ

ЛЕКСИКОЛОГИЈА И ЛЕКСИКОГРАФИЈА У СВЕТЛУ САВРЕМЕНИХ ПРИСТУПА

Зборник научних радова

Уредништво:

др Стана Ристић, научни саветник
др Ивана Лазић Коњик, научни сарадник
др Ненад Ивановић, научни сарадник

Београд, 2016

Светлана М.ТОЛСТАЯ
Институт славяноведения Российской академии наук
smtolstaya@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПИЩИ И ПИТАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (К ТИПОЛОГИИ «ОБЩИХ» НОМИНАЦИЙ)

В статье рассматриваются праславянские имена и глаголы, связанные со сферой пищи и питания: **ed-* (*еда, есть*), **кърт-* (*корм, кормить*), **pit-* (*питать, пища*), **trav-* (пол. *strawa*), **syt-* (*сытый, насыщать*), **xorn-* (ю.-слав. *храна, хранити*), **živ-* (пол. *pożywienie*, чеш. *živit*), **sil-* (пол. *posilek*), **krěp-* (пол. *krzepić*) и др., и сопутствующие им пищевым значениям мотивы: 'поддерживать жизнь', 'охранять, защищать, укрывать', 'растить, воспитывать', 'пасти скот' и др.

Ключевые слова:

«Аще бо насытилъся ѳси пиштею
накърми альчьнааго»
Изборник 1076 г.: 19 об.

Тема пищи и питания – одной из ключевых сфер человеческой жизни – в последние десятилетия привлекала внимание лингвистов, культурологов, этнологов. Лингвистов интересовала главным образом номенклатурная лексика пищи (названия блюд и видов кушаний в славянских языках и диалектах); в меньшей степени изучались категориальные признаки пищи («сладкий–соленый», «кислый–пресный», «жирный–постный» и т.д.), хотя и такие исследования, часто с этнолингвистическим уклоном, можно указать: [Гура 2008, Кабакова 2013, Пьянкова 2008, Седакова 2000, Толстая 2006] и др. Этнографы и культурологи занимались пищевыми ритуалами, застольным этикетом, со-

циальными функциями пищи и питания и т.п. Этим темам посвящены диссертации, монографии, статьи и специальные тематические сборники, например, [Кодови 1997; Традиционная пища 2001; Пир–трапеза–застолье 2008, Традиционное русское застолье 2008; Коды повседневности 2011; Еда по-русски 2013].

В данной статье речь пойдет об общих терминах, относящихся к пище и питанию, в славянских языках. Лексическое поле пищи обширно и разнородно, оно включает следующие основные группы (гнезда) праславянских имен и глаголов: **ed-* (*еда, есть*), **kъrm-* (*корм, кормить*), **pit-* (*питать, пища*), **trav-* (пол. *strawa*), **syt-* (*сытый, насыщать*), **xorn-* (ю.-слав. *храна, хранити*, кашуб. *xarna*), **živ-* (пол. *pożywienie*, чеш. *živit*), **sil-* (пол. *posilek*), **krěp-* (пол. *krzepić*). Эта разнородность означает, что соответствующие номинации сложились не в праславянском, а в отдельных славянских языках, и довольно поздно, хотя использовались при этом лексические ресурсы очень древние – праславянские и индоевропейские. Кроме этих основных номинаций в славянских языках и диалектах общие значения ‘кормить(ся)’ и ‘питать(ся)’ могут выражаться и другими лексическими единицами, у которых прямые пищевые значения находятся на периферии их семантических спектров. Таковы, например, **pasti*, **godovati*, **xovati*, **bergiti*, **stergiti*, **gojiti*.

Проблема общих названий – особая в лексикологии, общие (родовые) названия отличаются от номенклатурной (видовой) лексики. Общие названия возникают на основе обобщенной систематизации и категоризации целой области жизни и отражают разные способы упорядочения и осмысления этой области в разных языках. Типология моделей номинации общих (родовых) понятий показывает степень и способы реализации логических возможностей концептуализации крупных фрагментов действительности. Интересный опыт такой типологии на материале так называемых «народных царств» – общих названий растений и животных – содержится в статье [Руссо 2011], обобщившей данные по многим языкам мира. Я бы хотела показать, что учет этих данных исключительно важен не только для типологии, но и для семантической реконструкции и этимологии, он составляет один из необходимых видов системного анализа лексики.

Начну с нескольких общих замечаний. Во всей сфере питания и пищи и соответствующей лексике надо различать две стороны, два плана. Первый – условно **прямой**, а второй – **каузативный**, их можно обозначить через глаголы *есть* и *кормить*: *есть* – это значит потреблять пищу, а *кормить* значит каузировать потребление пищи, делать

так, чтобы человек ел. Эти два плана (прямой и каузативный) прослеживаются во всей лексике, хотя они противопоставляются не очень строго. Для носителей русского языка *еда* и *пицца* – одно и то же, хотя изначально *еда* (*снeдь*) – это то, что человек ест, а *пицца* – скорее то, чем человека кормят (за ними стоят разные субъектно-объектные характеристики прототипической ситуации еды и кормления). Важно еще отметить, что глагол и соответствующее имя могут не совпадать в отношении данной оппозиции, причем имя в большей степени, чем глагол, нейтрализует различие по признаку каузативности: в польском языке глагол *trawić* ‘переваривать пищу’ относится к сфере еды, а *strawa* ‘пища’ – может относиться как к сфере еды (‘то, что человек ест’), так и к каузативной сфере кормления (‘то, чем человека кормят’), так же и рус. *пицца*, с.-х. *храна* семантически соотносятся как с глаголами с прямым значением ‘есть’, так и с каузативными глаголами со значением ‘кормить’.

Существенной для данного лексического поля является также оппозиция **человек–животное** (скот), хотя граница между пищей людей и скота не всегда четко выражена и может стираться. В русском языке глагол *кормить* относится к питанию как людей, так и скота, но при этом *корм* – это пища животных (ср. также *подкормка* растений), а в некоторых языках и диалектах *кормить* применяется только к животным (см. ниже). Что касается глагола *питать* и имени *пицца*, то в русском языке *питаться* могут и люди, и животные, и растения, а *пицца* употребляется в большей степени (хотя и не только) по отношению к человеку.

Еще одним значимым параметром, определяющим семантику глаголов питания-кормления, является так называемый фундаментальный **класс предиката** (Апресян 2006), т.е. принадлежность глагола к классу действий (*Мать кормит ребенка*), занятий или деятельности (*Он один кормит всю семью*; *Она все еще кормит ребенка грудью*), состояния или свойства (*Птицы питаются насекомыми*; *Реки питают моря*). Тип предиката противопоставляет, например, *кормить* как глагол, способный, наряду с другими значениями, иметь значение действия (*Она сейчас занята – кормит детей ужином*), и – *питать*, не способный иметь такого значения (невозможно: **Мать питает детей ужином*).

Дальше я буду говорить главным образом о «каузативной» лексике, т.е. скорее о кормлении, чем о еде. Поэтому здесь о еде только кратко скажу, что в этой сфере, помимо основного праславянского глагола с и.-е. корнем **ed-* и глагола **žbrati*, известных всем славянским языкам и диалектам, употребляется большое число глаголов и их дериватов экс-

прессивного характера, которые, однако, в семантическом отношении мало выразительны и не дают значимых параллелей в других сферах лексики, в отличие от каузативных глаголов кормления. Напротив, лексика каузативного плана разнообразна в отношении мотивационных моделей, и для нее существенны все основные параметры ситуации кормления, а именно: субъект (кто кормит), прямой объект (кого кормят), косвенный объект или средство (чем кормят) и отчасти цель (зачем кормят). Эти параметры связаны друг с другом: если тот или иной параметр принимает то или иное значение, то и другие параметры получают определенное значение, сочетающееся с ним. Первый параметр (кто кормит) сравнительно мало значим; он дает только различие между общим кормлением и материнским вскармливанием, но это различие согласуется с различием объекта, способа и средства кормления: *Мать* (субъект) *кормит ребенка* (прямой объект) *молоком/грудью* (косвенный объект). Второй параметр (кого кормят) дает главное противопоставление – «человек– животное», о чем уже было сказано (а в случае «человек» может быть существенно дальнейшее различие взрослого и ребенка/младенца). Третий параметр (чем кормят) снова зависит от того, кого кормят (пища человека, молоко грудного ребенка, корм скота). Четвертый параметр (цель) важен для дальнейшего (метафорического) процесса семантической деривации, при этом он также соотносится с объектом и средством воздействия: ср. *воспитывать* (детей), *выкармливать* (скотину), *подкармливать* (растение) и т.д.

В славянских языках представлено несколько мотивационных моделей глаголов кормления-питания: 1. «давать пищу» (**kǫrmiti*, **xorniti*, производные от соответствующих имен со значением ‘еда, пища’), 2. «держат, содержать, разводить скот» (**xovati*, **pasti*, **godovati*, а также **bergti*, **stergti*), 3. «делать сытым, насыщать» (глаголы, производные от причастных форм **syť*, **pitь*), 4. «каузировать жизнь, надевать жизнью, жизненными силами» (дериваты именных основ **živ-*, **sil-*, **krěp-*); вне этих моделей остается глагол **traviti* и его дериваты, которые будут рассмотрены особо. При этом основным праславянским каузативным глаголом питания-кормления является **kǫrmiti*, для которого пищевое значение можно считать исходным, а другие значения производными, метафорическими (ср. *кормить обещаниями*). Глаголы **pitati* и **xorniti* с пищевой семантикой представлены лишь в части славянских языков; для остальных гнезд пищевые значения или сосуществуют с другими значениями (например, для **pasti* и **xorniti* со значениями ‘хранить, сохранять’ и ‘спасать’, для **živiti* – со значениями ‘оживлять’, ‘исцелять’), или производны от других значений (на-

пример, для дериватов **sil-* и **krěp-* – от физических значений «укреплять, усиливать»).

Рассмотрим подробнее эти мотивационные группы номинаций.

1. «Давать пищу».

К этой семантической модели относится несколько древнейших праславянских глаголов, имеющих индоевропейские корни и демонстрирующих сложную структуру семантической деривации; для некоторых из них пищевое значение является основным, для других – одним из ряда значений.

Глагол **kьrmiti* (отыменной, от **kьrma* ‘корм, пища’¹) известен практически всем славянским языкам: ст.-слав. *крьма* ‘пища, корм’, *крьмити* ‘кормить, питать’, *крьмление* ‘кормление’, *крьмленикъ* ‘грудной ребенок’, *крьмилецъ* ‘пестун, воспитатель’, *крьмля* ‘корм, пища’, *накрьмити* ‘накормить, насытить’, *прекрьмити*, *въскрьмити* ‘взрастить, воспитать’; болг. *кърмя*, макед. *крми* ‘кормить скот’, с-х. *крмити* ‘кормить скот’, словен. *k'imiti* ‘кормить скот’ (по отношению к человеку может употребляться в сниженном значении ‘кормиться’: *krmi se samo s fižolom* [питается одной фасолью]– SSKJ 2: 501), слц. *krmit'*, чеш. *krmit* ‘питаться’, в.-л. *kormić*, н.-л. *kjarmiś*, пол. *karmić* (*się*) ‘кормить(ся), питать(ся)’, *karmowu* ‘кормовой’, *pokarm* ‘пища’, ‘корм’; *pokarmić* (*się*) ‘покормить(ся)’, *pokarmowu* 1. ‘пищевой’, 2. ‘кормовой’; *karma* ‘корм для скота’, кашуб. ‘корм для скота’; *karmia* ‘корм, еда, питание, пища’; укр. *кормити*, *кормити* ‘кормить’; *кормига* ‘иго, ярмо, власть’, *під кормигу підгорнути* «подчинить под власть» (Гринченко 2: 285); бел. *карміць*, диал. туров. *карміць*: «Богатому то й чорт дзеці карміць»; *кармля* ‘яда, харч’; *кармны* ‘откормленный’: «Возіў кармных свіней у Пінск» (ТС 2: 219); рус. *кормить* ‘кормить, питать’, ‘вскармливать грудью’, диал. яросл. *кормёж* ‘поминки’, *кормёжка* ‘часть дня с утра до полудня’; *кармля* ‘пища, корм’, *кармно* ‘сытно’, *кармный* ‘откормленный’, *кармчий* ‘о животном с хорошим аппетитом’; карел. *кормить* ‘держать, иметь в хозяйстве животных и птиц’ *кормитесь!* ‘при

¹ Этимологи реконструируют для праславянского два имени: **kьrma I* ‘корма лодки’, и **kьrma II* ‘корм’, считая их омонимами. Между тем, О.Н.Трубачев, вопреки общему мнению, допускает родство этих имен: «У истоков значения ‘корма, кормовое весло’ лежало, думается, уже готовое значение ‘корм, вскармливание’. Можно предположить, что погружение в воду кормового весла – важнейшего корабельного весла – понятийно соприкасалось с магией кормления, задабривания опасной водяной стихии. Лишь готовое значение ‘корм, пища’ позволительно в таком случае уже прямо возводить к известному глагольному корню и значению **(s)ker-* ‘резать’» (ЭССЯ 13: 221–222).

угощении: кушайте!'; *кормка* 'кормежка', *кормкий* 'питательный (о травах)', *кормлѣжь* 'кормление', *кормля* 'кормление, кормѣжка', *кормовать* 'питаться', *кормовище* 'пастбище для скота' (СРНГ 14: 235–237); перм. *скормить* 'вырастить': «Скормила парношко и в армию отдала» (СПГ 2: 346) и др.

Для этого глагола и всего гнезда существенна как оппозиция «человек–скот» (в ю.-слав. языках глагол означает только 'кормить скот'), так и оппозиция «взрослый человек–ребенок» (ср. болг. *кърмя* 'вскармливать грудью'). Часто по этим признакам не совпадают глагол и имя: так, в русском языке *кормить* можно и человека (в том числе кормить грудью младенца), тогда как *корм* соотносится только со скотом. Аналогичные ограничения известны и другим языкам: пол. *karma* 'корм для животных', кашуб. 'то же'; ст.-пол. *karmia* 'еда, пища'; чеш. *krmení* 'корм, корма, фураж', словац. диал. *krma* 'корм для скота'; 'питание (для младенца)', бел. диал. *карма, корма* 'корм'; словен. *k'rma* 'пища, обычно растительная, для животных', *k'rmilec* 'тот, кто кормит животных' (SSKJ).

Для глагола **xorniti*, производного, по мнению большинства этимологов, от имени **xorna* 'пища' (ЭССЯ 8: 78–79), исходным считается значение 'кормить, вскармливать, растить, воспитывать'. Это значение характерно прежде всего для южнославянских языков: с.-х. *hrana* 'еда, пища', 'материнское молоко', *hraniti* 'кормить, питать' (RHSJ 3: 679–682), словен. *hrana* 'пища, еда, питание', *hraniti* 'кормить': «*Mati hrani otroke*» [Мать кормит детей], *hranitev* 'кормление, содержание', *hranitelj* 'кормилец' и т.д. (SSKJ 1: 824–825); болг. *храня* 'питать, кормить': «*Земята храни растенията*» [Земля питает растения], 'содержать, иметь на содержании', *храня ся* 'питаться, кормиться, быть кормленным', *храна* 'пища, корм для скота', *хранени* 'холеный, откормленный' (Геров 5: 508–509). Однако оно засвидетельствовано и в кашубском: *xarna* 'сухая трава (корм низкого качества)', *xarnisti* 'изобилующий травой (например, солома)' (Sychta 2:23), полаб. *chorna* 'пища', *chornët* 'кормить' (Фасмер 4: 266; ЭССЯ 8: 79).

В остальных вост.- и зап.-слав. языках глагол **xorniti* имеет другие значение – 'хранить, сохранять, беречь', а также 'хоронить' (последнее значение присуще также глаголу **xovati*). Эти, казалось бы, далекие от пищевых значения тем не менее представляют, по мнению этимологов, единую линию семантической деривации: 'кормить, вскармливать' > содержать (скот) > опекать, охранять, защищать > прятать (ср. Вору́с 2005: 68, Толстая 2009), нашедшую воплощение в семантическом спектре многих глаголов.

2. «Держать, содержать, разводить скот, птицу».

Исключительно со сферой кормления животных (домашнего скота, птицы) связана пищевая семантика праславянских глаголов **xovati* и **pasti*, у которых пищевое значение оказывается производным от более общего значения 'держать скот'. Глагол **xovati* в подавляющем большинстве употреблений относится к кормлению животных (скота): укр. *xovati* 'выкармливать, воспитывать', *xovatisia* 'выкармливаться': «Худоба буде добро ховатися», *xovannia* 'воспитание, взращивание': «Худоба свого ховання» (Гринченко 4: 406); бел. *хаваць* 'держать скотину': «Я ужо каровы не хаваю» (СПЗБ 5: 274); пол. *chować* 'выращивать, разводить (кур, цыплят, кроликов и т.п.), держать коров и т.п.', *chow bydła* 'разведение скота, животноводство'; пол. диал. *chowa* 'содержание скота', 'скот', *drobna chowa* 'домашняя птица', *mala chowa* 'молодняк'; *chowanie się* 'скот (коровы, кони и т.д.)' (SGP IV/1(10): 43–50); каш. *xovac* 'кормить, ухаживать за скотом': «Naša něnka xov'e v'ele kačkov i kur» [Наша мать держит много уток и кур] (Sychta 2: 51); чеш. *chovati (dobytek)* (PSJČ 1: 1069), диал. *chovat*: «Chova si páru koní a páru volů» [Он держит пару лошадей и пару волов], *chov dobytka* (КЧДС); морав. *chovat dobytek* 'держат скотину': «Chová si páru koní a páru volů» [Он держит пару лошадей и пару волов] (Bartoš 1906: 120); словац. *chovať* 'разводить (о животных, овощах, фруктах и т.п.)', *chovatel' dobytk* 'скотовод', *chovatel' včiel* 'пчеловод' и т.п. (Isačenko 1: 225), укр. *xovatisia* 'выкармливаться': «Худоба буде добро ховатися», *xovannii* 'вскормленный, ручной': «Вовк хований» (Гринченко 4: 406).

Однако этот глагол имеет и «социальные» значения, связанные с воспитанием, что сближает его с аналогичной семантикой дериватов сугубо пищевого глагола **pitati* (ср. рус. *воспитание*): рус. диал. *выхованец*, *выхованка* 'воспитанник, воспитанница, приемыш, подкидыш, внебрачный ребенок', *выхованство* 'воспитание'; *выховывать* 'вспаивать и вскармливать, воспитывать' (СРНГ 6: 50); укр. *xovatisia* 'выкармливаться'; *xovannii* 'вскормленный, ручной': «Вовк хований»; *хованець* 'воспитанник, приемный сын, вскормленный' (Гринченко 4: 406); пол. *wychowac* 'воспитать', *wychowanie* 'воспитание'; каш. *xovac (sa)* 'воспитывать(ся)': *xovac dz'eci* [воспитывать детей]; «Po sm'erci matk'i ja sa choval u starki» [После смерти матери я воспитывался у бабушки] (Sychta 2: 51). Ср. также типичное выражение о новорожденных детях, состояние или телесные недостатки которых внушают опасение за их жизнь: пол. «Nie bedzie sie chowac» [Не будет жить, расти, не жилец] (SGP IV/1(10): 44–47). Известны, однако, и вполне конкретные пищевые значения слов этого гнезда, составляющие параллель к

основному значению глагола **xorniti*, ср. пол. диал. *chowa* ‘средства к жизни, содержание, пропитание, харч (в частности, наемного пастуха или рабочего)’ (SGP IV/1(10): 43–44); *chowanie sie* ‘питание, кормление; провиант, харч’ (SGP IV/1(10): 49–50).

Глагол **pasti* – яркий пример связанности семантической сферы защиты, охраны и сферы питания-кормления, что сближает этот глагол с **xorniti* (см. выше). Глагол **pasti* в славянских языках представляет две столь далекие друг от друга семантические сферы – ‘пасти скот’ и ‘спасать, запасать, опасаться’, что они заставляли исследователей сомневаться в этимологическом единстве этого глагола, имеющего (в обоих своих значениях) надежные индоевропейские соответствия (Топоров 1959; Иванов 1961; 2007). Семантика кормления в гнезде **pasti* во всех славянских языках закрепились прежде всего за сферой животноводства (‘пасти скот’), но в разных славянских языках фиксируются и более широкие значения пищи и кормления: ср. рус. диал. *спасать, спасти* ‘скормить, израсходовать на корм скоту’ (СРНГ 40: 117); с.-рус. *спасать* ‘кормить (скот)’: «До чего дошли – скота белым хлебом спасаем», «Балечек <овец> пошла спасать» (КСГРС); дон. *пастись* ‘есть’: «Там пасутся медведи» (едят ягоды), ‘собирать пыльцу (о пчелах)’: «Все пчелы отправились пастись» (СРНГ 25: 263), урал. *пасенье* ‘подножный корм’ (Малеча 3: 138); каш. *pastev* ‘корм для скота (сено, солома)’, *napasc* ‘накормить’ (Sychta 4: 39–40); ст.-словац. *pastva* ‘еда, корм для скота’, ‘духовная пища’: «pastwu slowa tweho darug (Vože)» (HSSJ 3: 483).

По некоторым версиям, «пищевая семантика» для **pasti* (как и для **xorniti*) является этимологически исходной, ср. (Фасмер 3: 215–216; БЕР 5: 80–82; ЕСУМ 4: 309; Snoj 2003: 497); другие этимологи связывают первичное значение этого праславянского и индоевропейского глагола с семантикой наблюдения, слежения (Иванов 1961), откуда далее значение ‘охраны, защиты’ (характерное и для гнезда **xorniti*), претерпевшее в гнезде **pasti* дальнейшее (вполне логичное) развитие в сторону ‘спасать’: ср. рус. *спаси и сохрани; спаси, Господи и храни Господь*, диал. *Бог пасет*, т.е. хранит, бережет, *Боже паси!* (СРНГ 25: 262) и т.д. Спектр значений этого гнезда, отмечаемых в словарях славянских языков и диалектов, включает оба этих круга значений: ср. болг. диал. *паса* ‘есть траву (о скоте)’ и – ‘следить, наблюдать (за кем-н.)’: «Пасъл и Ступан две моми, две съмудиви...» [Следил и Ступан за двумя девами, двумя самодивами (народная песня)]; *изпаса* ‘проедать (о моли)»; *изпасва са, изпасува са* ‘погибать, бесследно исчезать (о скоте)’ (БЕР 5: 80–82); чеш. *propásti* ‘не заметить, пропустить’ (PSJČ 4/1: 1180); словац. диал.

pást', pástít' 'стеречь кого-л., что-л., следить за кем-л., чем-л.': «Daj pozor, řebo pasú po řebe» [Смотри, а то послежу за тобой] (SSN 2: 746); словен. *pásti, pásem* 'следить за скотом, который пасется на траве': *pasti živino na planini* [пасти скот в горах], *pásti se* 'поедать траву или ветки растений с целью наесться': *krave se pridno pasejo* [коровы усердно пасутся]; *pasti oči, poglede na kom* 'разглядывать с интересом, наблюдать'; *napásti* 1. 'наесться (о скоте)': *živina se je dobro napasla* [скотина хорошо наелась на пастбище], 2. экспрес. 'наесться (о людях)': *goste se dobro napasli in napojili* [гости хорошо наелись и напились], 3. экспрес. 'утолить': *napasil je svojo strast* [утолил свою страсть] (SSKJ)

Таким образом, сочетание значений 'кормить' и 'беречь, защищать', 'блости, наблюдать', свидетельствуемое несколькими праславянскими (общеславянскими) глаголами, можно считать закономерным и мотивированным. Если в гнезде **xorniti* пищевые значения наиболее непосредственно связываются с семантикой защиты (и далее – сохранения, сбережения) через идею, так сказать, каузации жизни (ср. в разных языках глагол *живить* 'давать, сообщать жизнь, жизненные силы'), то в гнезде **xovati* эти два смысла («пища» и «защита») соединяются в значении 'пасти скот, кормить его, выхаживать' и далее 'растить, разводить'. Устойчивость этой связи подтверждает семантический спектр глагола **pasti*, в котором при основном значении 'пасти, кормить (скот)' широко распространено значение 'хранить, охранять, спасать'.

Совместимость и внутренняя связанность значений 'кормить' и 'беречь, защищать' подтверждается семантикой глагола **bergiti* 'беречь', у которого также отмечены оба значения при исходном и главном 'беречь, хранить': ср. рус. диал. (псков., новгор., твер.) *беречь* 'гостеприимно принимать, угощать, потчевать'; псков. «Прощайте! Спасибо, что берегли» (1852); «Не чем мне тебя беречь: кур нету, а то яиц бы сготовила»; 2. 'лелеять, миловать, холить': «Уж так-то старики внучку-то берегут, что лучше и не надо»; 3. У охотников: не пропустить зверя: «Береги зайца» (СРНГ 2: 258); *береженный* 1. 'хорошо выкормленный, жирный' (твер.), 2. 'сбереженный, скопленный': «Денежка бережена»; *береженьице* 'воспитание': «Вам спасибо пятьюдесятью / За хорошо береженьице» (олонец.) (СРНГ 2: 248); псков. *беречь* 1. 'угощать', 2. 'проявлять заботу, оберегать'; 3. 'содержать в целости, сохранности'; 4. 'растить, воспитывать' (ПОС 1: 182–183); *берёга* 1. 'хорошее угощение': «У нас плохая берёга»; 'кормление скота': «А каровам раньшэ во кака была бярёга: на ночь аржаной саломы дам, а патом пойва с пялам, а малака была больша»; 2. 'усердный уход за кем-, чем-л.'; 3. 'бережливость, аккуратность' (там же: 173–174); *бережоха* 1. (о корове) 'хоро-

шо выкормленная', 2. о женщине 'бережливая' (там же: 176); твер. *выберег (выберега) скота* «кормля и холя, уход и домашний корм» (Даль, s.v. *выберегать*).

Подобное сочетание «пищевых» (в широком смысле) и «охранительных» значений отмечается и у глагола **stergti* 'стеречь': рус. забайкал. *стережить* 'стряпать, готовить что-л.'; *стеречь* 'пасти скот': «Ребята погнали лошадей стеречь» (курск.); «У нас стерегут коров на бударке (заливной луг)» (ворон.); *стеречи* 1. 'охранять, караулить, стеречь'; 2. 'пасти скот': «Нанялся скотину стеречи» (орлов.) (СРНГ 41: 148–149). Внутренняя связь этих значений основана на общности бенефакционной цели: накормить и защитить – это значит «каузировать существование, жизнь»; первое призвано обеспечить человека или скот жизненным ресурсом, второе – устранить препятствия и угрозы жизни.

Со сферой разведения скота связан также глагол **godovati*. Распространение глагола ограничено восточнославянской территорией; его проникновение в польский язык объясняется украинским влиянием (Brückner 1: 172; Boryś 2005: 194). Будучи производным от праславянского **godъ*, глагол имел закономерное основное значение 'соблюдать, почитать, праздновать (день, праздник)' (ЭССЯ 6: 190–191; Šivic-Dular 1999), ср. ст.-пол. *godować* 'праздновать' (Boryś 2005: 194), кашуб. устар. *godovac* 'праздновать Рождество' (Sychta 1: 335). В русских диалектах *годовать* получает значения, связанные как с абстрактной семантикой содержания, вскармливания, воспитания, так и с конкретным физическим значением кормления – 'выращивать, вскармливать, воспитывать': курск. «Кабана годовала под самую войну», пск. «Ночью телился [теленка], будет он в зиму пускаться, годовать его будут»; 'откармливать животное на убой' (курск., орлов., тул., калуж.); 'вскармливать, воспитывать (о детях)': курск. «Сама детей годовала, в люди произвела»; 'кормить, угощать': сарат. «Придет – не знают уж чем его и годовать: и едова и пойла всякого на стол наставят» (СРНГ 6: 271).

Более отчетливо семантика питания проявляется в украинском языке, где *годілля* 'корм, кормление': «На годівлю птиці треба багато зерна»; *годованець* 'животное, откармливаемое на убой'; *годування* 1. 'кормление', 2. 'воспитание', 3. 'откармливание'; *годувати* 1. 'кормить': «Багач ся дивує, чим убогий діти годує», 2. 'воспитывать, вскармливать': «Тяжко дітей годувати у безверхій хаті», 3. 'откармливать': «Годують на сало»; *годуватися* 1. 'кормиться, пропитываться': «Багатий дивується, як убогий годується», 2. 'кушать, есть'. Употребляется преимущественно в выражении, которым «припрашивают» гостей: «Не турбуйтеся, люде добрі, годуйтеся на здоров'я» (Гринченко

1: 298–299). Ср. последний пример с приведенными выше аналогичными контекстами угощения для **pitati* и **kьrmiti*.

В белорусском языке *гадаваць* имеет преимущественно значения ‘растить детей’ и ‘разводить домашних животных и растения’; хотя в Туровском словаре приводится, наряду с другими, значение ‘кормить’: *Ходзем свінья годоваць* (ТС 1: 210). Семантика питания отражена также в историческом словаре белорусского языка, причем для глагола *годовати* пищевое значение указывается на первом месте: *годовати* 1. ‘угощать, кормить’, 2. ‘растить, воспитывать’; *годованье, годоване* ‘угощение, кормление’ (ГСБМ 7: 27).

3. «Делать сытым, насыщать, наполнять».

К этой семантической модели относится праславянский глагол **pitati* с исходным пищевым значением и глагол **-syiti*, производный от древней причастной формы **syть*.

Глагол **pitati*, в отличие от **kьrmiti*, употребляется преимущественно по отношению к человеку. Для праславянского реконструируется несколько типов глагольных основ этого гнезда: помимо *a*-основы **pitati* (*se*), это ятевый глагол **pitěti* (*se*): ст.-слав. питѣние, др.-рус. питѣти (сѧ), питѣние, рус. цслав. питѣюся «ращу в неге»: Отроча питѣющеся (САР 4: 821), затем атематический глагол ***pisti* (<*pit-ti*), представленный страдательным причастием *pitомь* (болг., макед., с.-х., словен., ст.-чеш., словац.) в значении ‘накормленный, вскормленный’ и далее дериваты этого причастия (ср. рус. *питомец, питомник*), а также *pišt’a* и ее дериваты². Наиболее убедительной этимологической версией следует считать возведение этих глаголов к реконструируемому причастию **pitъ* от глагола **piti* с исходной нерасчлененной семантикой питья-питания (ср. др.-инд. *pitu-* ‘пища, напиток’) (ESJS 11: 647), объясняемой прототипической ситуацией грудного вскармливания детей.

Диффузность семантики питья-пищи подтверждается и некоторыми позднейшими дериватами праславянских **pitati* и **piti*, нивелирующими в своей семантике границу между питьем и питанием, ср. общеславянское **pirъ*, рус. *впитать/впитывать, пропитать/пропитывать, напитать* (прежде всего о жидкости), рус. диал. орл. *питать* ‘вбирать в себя; впитывать’: Растёр да трёх рас, и тада ни сталь уже питать (СОГ 9: 103); арханг. *питейное горло* ‘пищевод’, карел. *питаться воздухом* ‘дышать’: Стара стала, худа, уж и питаться воздухом скоро не

² Не исключено, что в праславянском могли существовать и другие оформления данной основы, поскольку «разноосновность» вообще была характерна для праславянского глагола (Толстая 2006 а).

смогу, смертушку жду (ср. *пить воздух*), курск. *питёра* ‘обжора’ (СРНГ 27: 52–53), бел. тур. *пиць* ‘склёвывать зерно в колосьях (о птицах)’ (ТС 4: 53), то же серб. *пити* ‘кљувати (о птицима)’ (РСХКJ 4: 437)³.

В славянских языках глагол **pitati* имеет весьма ограниченное распространение. Он известен в старославянском, русском и отчасти в южнославянских языках (включая диалекты) и практически неизвестен западнославянским, украинскому и белорусскому языкам, где основными глаголами питания служат: пол. *karmić*, чеш. *živit, využívat*, словац. *vyžívat*, укр. *годувати, живити*, бел. *жывіць, сілкаваць*. Но и в южнославянских языках глагол **pitati* не является основным обозначением соответствующего понятия, уступая другим лексемам: болг. *храня*, макед. *јадев*, с.-х., словен. *hraniti*, и отличается суженным или специализированным значением: болг. *питая* ‘питать’, ‘чувствовать, ощущать’, *питателен* ‘питательный’, *питомен* 1. ‘прирученный (о животных)’, 2. ‘культивированный’ (о растениях), *питомец* ‘питомец, воспитанник’; *възпитам* воспитать, *възпитание* воспитание; *възпитател* воспитатель и т.п.; макед. *питом* 1. ‘прирученный, ручной, домашний’, 2. перен. ‘кроткий, тихий’, *питомец* ‘питомец, воспитанник’, *питоми* ‘приручать’; словен. *pitati* ‘откармливать (на убой)’, *pitán* ‘упитанный, толстый’, *pitanje* ‘откармливание, кормление, *pitoven* ‘откормленный’, *pitovna žiivina* ‘откормленный скот’. Наиболее устойчивым элементом этого гнезда в разных языках оказалась форма страдательного причастия **pitomъ* от незасвидетельствованного атематического глагола **pisti*⁴: болг. *питом* ‘взращенный, воспитанный человеком’, диал. ‘обработанный’ или ‘пригодный к обработке’ (БЕР 5: 267), чеш. морав. *pitomý* (Bartoš 1907: 290), укр. *питимий, питомий* ‘свой, родимый, близкий’ ЕСУМ 4: 380), рус. диал. пск. твер. *питомок* ‘приёмывш в доме’, онеж. *питомство* ‘питание’ (СРНГ 27: 53–54)⁵.

³ Дальнейшее расширение семантики **piti* находим в сербском, где глагол может относиться не только к питью жидкости, но и к другим видам «поглощения» и иметь следующие значения: ‘впитывать’, ‘всасывать’, ‘вдыхать’, ‘воспринимать запах’, ‘внимательно слушать, внимать’, ‘смотреть не мигая’ (ср. рус. *поедать глазами*), ‘наслаждаться чем-л’. (РСХКJ 4: 438).

⁴ Эту форму обычно считают страдательным причастием настоящего времени от глагола **pitati*, однако такие формы стандартно образуются не от *a*-глаголов, а от атематических глаголов, ср. *несомый, влекомый, пасомый, рекомый, лакомый* (< **alkti*).

⁵ Рус. иван. *питомый* ‘вскормивший, воспитавший кого-либо’: Еще раз, моя питома, прикоснусь к тебе головушкой, испрошу у тебя благословеньица, благословеньица со прощеньицем (СРНГ 27: 53), вероятнее всего, представляет собой вторичное оценочное образование, утратившее связь со страдательным причастием, подобное укр. *питомий* ‘родимый, близкий’.

Как видно даже из этого краткого обзора, в семантическом спектре гнезда **pitati* имеются два полюса – на одном концентрируются исходные «пищевые» значения (иногда ограниченные сферой скотоводства), на другом – «социально-этические» значения, акцентирующие характер отношений между субъектом и объектом прототипического действия «питать» и его главную цель – поддержание жизни (см. Толстая 2016).

Наиболее полно семантический спектр глагола **pitati* представлен в русском языке и его диалектах, где также имеет место отмеченная тенденция отхода от прямых пищевых значений. «Непищевые» значения представлены уже в древнейших текстах: в Супрасльской рукописи отмечено питати в значении ‘воспитывать’: Живѣаше в чистотѣ, питаа дѣти своа въ наказании и оучении Господьн’и, а питатиса наряду с ‘питаться, кормиться’, ‘получать средства к жизни’ – в значении ‘наслаждаться’, ‘роскошествовать’, ‘быть любимым, пользоваться ласкою’ (Срезневский 2: 42)⁶.

Дериваты причастия **sytb*⁷ в значении ‘кормить’ представлены главным образом в польском и восточнославянских языках: пол. *syćić (się)* ‘насыщать(ся)’, *syćący* ‘насыщающий(ся)’, ‘сытый’; *nasyćić (się)* ‘насытить(ся), накормить досыта, наесться досыта’; бел. *сыты* 1. ‘сытый не голодный’: «Сытый по голодному не погадаець»; 2. ‘жирный’: «Сытшаго кобана выбирай»; *сыце* 1. ‘жир’: «Кабан еще сыця не набрався», 2. ‘довольство, сытость’: «дай Боже, каб жито родзило ... А у печи ростом, на столе сыцем», *сыць* ‘насыщение, сытость’: «Не великая была сыць за обедом. Переев сыць, захоцелося пиць» (Носович 1870: 630); рус. диал. *сыта* ‘сыта, вода, подслащенная медом или сахаром’, ‘о вкусном аппетитном блюде’. «Кашу из печки вынула румяну, духмяну – то-то сыта была» (новг.); *сытенный* ‘упитанный, толстый’: «Кот-от какой сытенный да здоровенный» (новг.); *сытеть* ‘наедаться’, ‘становиться толстым, полнеть’: «Человек сытеет, у него подбрудки свешиваются вот сюда» (ряз.), ‘прибывать, наполняться (о воде)’ (влад.); *сытить* ‘потчевать молодых’ (сарат.); *сытый* ‘сытый’, ‘жирный, толстый, упитанный’, ‘о чем-то наполненном’: сытая вода, сытая кутья, сытая рыба, ‘сочный, налитой’, ‘большая вода’, ‘полный

⁶ Если последнее значение (‘быть любимым пользоваться ласкою’) находит подтверждение в других славянских языках и может считаться органическим продолжением значения ‘воспитывать, пестовать’, то предыдущие два носят «случайный» характер, не являются продуктом семантической деривации, а обязаны, по мнению Срезневского, смешению греч. глаголов τρῆφῶν и τρῆφεῖναι (Срезневский 2: 942).

⁷ Об этимологии слав. **sytb* (< **suti, sovati*) см. (Куркина 2013).

с походом': *сытый фунт* (пск.), 'пьяный': *Че, кума, сытый он?* (том.), *Не сытые твои зенки!* (яросл.); *сыть* 'еда, корм, пища': *Едешь в дорогу на день, а сыти бери на неделю*, 'сытость, состояние сытого', 'питательность чего-л', 'земля, насыщенная влагой' (СРНГ 43: 177–179).

4. «Каузировать жизнь»

Этот мотив, подчеркивающий значение пищи и питания как условия поддержания жизни, лежит в основе двух глаголов, этимологически связанных между собой и восходящих к глаголу **žiti* 'жить'. Первый из них – **živiti* – образован от причастия **živъ* и имеет буквальное значение 'делать живым'; второй – **gojiti* – считается каузативом к глаголу **žiti* и также буквально означает 'делать живым, оживлять', однако их семантика не полностью тождественна. Глагол **živiti*, являющийся основным в семантическом поле питания для западнославянских языков, означает именно 'каузировать жизнь', делать так, чтобы обеспечить человеку и животному жизнь, чтобы они «были живы», тогда как глагол **gojiti* скорее трактует питание как одно из средств «улучшения, совершенствования» жизни, повышения ее «качества» и включает питание в ряд других условий жизни и прежде всего здоровья (основное значение глагола **gojiti* – 'лечить, исцелять, возвращать к жизни'; иногда это последнее значение имеет и глагол **živiti*). Так же ограниченно трактует питание лексика гнезд **sil-* и **krěp-*, связывая с питанием только физическую силу. Рассмотрим эти номинации питания подробнее.

Глагол **živiti* берет на себя роль главного в семантическом поле питания (как деятельности) в зап.-славянских языках и частично (под польским влиянием) в украинском и белорусском: пол. *żywić* 'кормить', *żywić się* 'питаться, кормиться'; *żywienie* 'питание'; *żywnościowy* 'продовольственный'; *żywność* 'пища, продовольствие, продукты'; *odżywiać* 'питать, кормить', устар. 'оживлять возвращать к жизни', *pożywny* 'питательный'; *pożywienie* 'пища'; чеш. *vyživování*, *výživa* 'питание'; *výživný* 'питательный'; *živit(se)*, *výživovat(se)* 'питать(ся)', *dobře živuný* 'сытый, накормленный'; укр. *живити* «питать, кормить, продовольствовать»: «Хозяйське око товар живить»; *живитися* 'питаться, кормиться': «Богатий дивиться, як убогий живиться»; *живність* 'пища, продовольствие, припасы': «Як полетів старий сокіл на чужу україну живности доставати» (Гринченко 1: 481, 482); бел. *жывіцца* 'жывіцца, харчавацца': «Людзі того звера, шо м'асом жывіцца, не едзяць» (ТС 2: 68.); *поджывіць* 'подкормить, накормить': «Нада поджывіць сад» (ТС 4: 93.); ср. рус. диал. зап. *живина* 'домашний скот и птица' (СРНГ 9: 151); *живить* 'содействовать выздоровлению, иметь целительную силу'

(Даль); диал. *живот* ‘домашний скот (преимущественно лошадь)’. В словенском языке (единственном из южнославянских) этот глагол также обнаруживает пищевую семантику: *živiti se* устар. ‘кормиться, содержать себя’: «živil se je s tem, kar je ujel ali ustrelil» [кормился тем, что поймает или застрелит]; *živež* ‘съестные припасы, пища, продовольствие’. «dati komu živež in stanovanje» [дать кому-л. пропитание и жилье] (SSKJ 5: 1005–1006)/

Глагол **gojiti* имеет общеславянское распространение и отличается особым ракурсом восприятия и способом категоризации ситуации кормления-питания с точки зрения объекта воздействия – делая главный акцент на цели и результате действия, т.е. на пользе, доставляемой объекту, откуда наиболее распространенная семантика – ‘уход, пестование, преобразование, улучшение, исцеление’ и т.п., ср. рус. диал. *гоить* ‘улучшать, ухаживать, холить, делать годным’, ‘приводить в порядок’: «Надо бы избу гаить, да недосуг все»; ‘очищать зерно от мякины и сора’, ‘расчищать что-либо’, ‘делать годным для пользования’: *гаить дорогу, гаить луга*, ‘удобрять’, ‘хорошо обрабатывать’, и даже ‘любить, ласкать, ухаживать’, *гоиться* ‘ухаживать за скотом’, ‘готовиться к чему-либо’, ‘строиться’ и т.п. (СРНГ 6: 279–280). Уже из этих примеров видно, что объектом воздействия в данном случае могут служить как люди (без специального акцента на детях), так и животные и предметы (артефакты). В отдельных языках актуализируются разные аспекты этой семантики. Так, в западнославянских языках глагол **gojiti* относится почти исключительно к залечиванию, исцелению, заживлению (ран): пол. *gojić (się)*, чеш. *hojit (se)*, словац. *hojit’ (se)*, в.-луж. *gójs*; эта семантика известна и украинскому и белорусскому языкам, а также некоторым, прежде всего южным и западным, говорам русского языка: укр. *гоїти*: «Трудно рану гоїти, а не вразити», *гоїтися* ‘заживать, залечиваться’, *гоїння* ‘залечивание, заживление’ (Гринченко 1: 299), бел. *гаіць, гоіць, гоіцца* с теми же значениями (ТСБМ, СПЗБ, ТС), рус диал. *гоить* ‘заживлять (раны), излечивать’ (СРНГ 6: 279).

Чисто пищевая семантика этого глагола представлена в русских диалектах: *гоить* ‘кормить’: с.-рус. «А хлеба нет, чем детишек гоить» (СГРС 3: 64), ‘хорошо кормить, холить’, ‘угощать’: «Нас шибко гоили», т.е. радушно потчевали в гостях, угощали; «Хорошо ли вы гоили гостя?» (перм., волог., сиб., урал., том.) (СРНГ 6: 279), а также болг. *гоя* ‘откармливать, пичкать’, *гоя се* ‘жиреть, толстеть’, *угоявам* ‘откармливать’ (животное или человека (РСБКЕ 1: 198, 3: 466), макед. *гои* ‘откармливать (скот, птицу)’, *гои се* ‘отъедаться, жиреть’, *згоен* ‘откормленный’ (Мур-госки 2005: 114, 233). В западной части южнославянского ареала мотив

физического питания, кормления и насыщения выступает наряду с мотивом воспитания и ухода, а в отглагольных дериватах даже преобладает: с.-х. *gojuti* 1. ‘питать, откармливать (прежде всего о животных)’, устар. ‘угощать’, ‘удобрять почву’; 2. ‘растить, опекать, заботиться, пестовать, воспитывать’ (о растениях, животных, детях, и др., например, чувствах, надеждах, ср. рус. *питать надежду, неприязнь* и т.п.): «Ово дијете ... сам чувао и гојио толико година»; ‘питаться, толстеть, расти, развиваться’: «Твоја се срећа родила / Сунчаним зраком повила / Мјесецем сјајним гојила / Зв’јездама сјајним росила» [Счастье твое родилось, солнечный свет его повивал, месяц ясный его пестовал, звезды ясные его орошали]; *goj* 1. ‘воспитание, вскармливание, содержание’, 2. ‘спокойствие, мир’: «Уз своје тамбурице заиграли коло... да називљу гој и покој» [Под свои мандолины начали танец..., чтобы призвать мир и покой]; *goјенац, goјеник* ‘воспитанник’ (РСХКНЈ 3: 423–427); словен. *goјiti* 1. выращивать, ухаживать за растениями, животными и др., 2. заниматься чем-нибудь (спортом, музыкой и т.п.), *goјenes* воспитанник (SSKJ 1: 712–713). Эта же семантика фиксируется в некоторых русских диалектных словарях, ср. сев.-рус. *goить* заботиться о ком-либо; ухаживать, ходить за кем-либо (ребенком, скотиной и др.) (СГРС 3: 64); сиб. ‘то же’: «Как же я не буду гоить свою мать – я сын ей!», «Коня гоить, шерeditь надо» (СРГС 1: 249–250); арханг. ‘заботиться о ком-н., чем-н., ухаживать за кем-н., чем-н., беречь’: «Мать-то стала управлять и говорит: я пойду скота гоить»; «Опять старуха осьлепела, за йей ухот надо, шчѐ поделаш, надо йейе гоить» (АОС 9: 216)⁸

Таким образом, глагол **goјiti* представляет (хотя и с иными акцентами) тот же семантический ряд, что и предыдущие глаголы, за исключением одного звена – в нем крайне слабо по сравнению с другими глаголами прослеживается мотив поддержания, содержания, обеспечения жизни, поскольку главный акцент делается на ее «улучшении, усовершенствовании».

⁸ В этом и близких значениях употребляются также глаголы с исходным значением «естественных» действий – ‘ходить’ (ср. *ухаживать, выхаживать, уход* за больным, ребенком и т.п.) и ‘смотреть’: рус. *присматривать, смотреть за детьми*, диал. *смотря* ‘няня’, ‘кормилица’ (СРНГ 39: 51), бел. *глядзець, даглядаць* ‘ухаживать за детьми, стариками, больными’: Нэ маю дачки, то нэма кому мэнэ і гледіеті; ‘кормить, вскармливать, воспитывать’: Цяпер добра дзяцей глядзяць, німа што сказаць; ‘пасти, ухаживать за скотом, птицей’ Я куранят буду глядзець; Нада пчол глядзець; ‘соблюдать’: Унучкі глядзелі чыстату (СПЗБ 1: 453) и т.п. Примеры подобного развития значений можно найти и в других славянских языках (например, болг. *отглеждам* ‘воспитывать’, *отглеждане* ‘воспитание’).

На периферии семантического поля питания-кормления находятся глаголы с буквальным значением «придавать силы, делать крепким» – дериваты от имен **sil-* и **krěp-*. Мотив «физиологической» силы лежит в основе таких слов, как пол. *positek* ‘прием пищи, питание’, *posilać* ‘кормить, давать пищу’, откуда вторично (метафорически) *posilać* техн. ‘питать’; техн. *zasilać się* ‘питаться’ (ср. *питание электроприборов, блок питания* и т.п.); бел. *сіліць* ‘поддерживать силы едой’, *сіліцца* ‘подкрепляться пищей’ (ЭСБМ 12: 82); укр. *посилкувати* ‘кормить’ (Гринченко 3: 359); рус. диал. смол. *силять* ‘есть, черпать, есть с аппетитом’: «Грибы так и силяет» (СРНГ 37: 316). В меньшей степени пищевая семантика свойственна производным от прилагательного **krěpъkъ*: ср. рус. *подкрепиться*; бел. *подкрэпленье* ‘подкормка’: «Яблука сыплюцца, ей подкрэпленье трэба, гэтой яблоні» (ТС. 4: 96).

Остается сказать несколько слов о праславянском глаголе **traviti*, который имеет широкий спектр значений: ‘переваривать пищу’, ‘кормить скот’, ‘уничтожать’, ‘отравлять’, ‘тратить время’, среди которых как прямое значение ‘есть’, так и каузативное значение ‘кормить’: др.-рус. *трути, трову* или *травити* ‘потреблять’; ц.-слав. *трыти, трыю* ‘истребляю, пожираю’; рус. диал. перм. *травить* ‘кормить’: «Коров-то травили на лугах, зерна не было тогда»; *травёж* ‘потрава’ (СПГ 2: 445); укр. *травить, травлю* ‘переваривать, потреблять, поесть, травить’; с.-х. *травити, травим* ‘кормить травой’, чеш. *trávití* ‘переваривать, потреблять, отравлять’; пол. *trawić* ‘истреблять, переваривать’. Однако именные дериваты этого глагола и их производные имеют устойчивое пищевое значение: пол. *strawa* ‘пища’; *strawny* ‘легко перевариваемый, удобоваримый’; чеш. *strava* ‘пища, еда’, *stravovat se* ‘питаться (в столовой)’; укр. *страва* ‘кушанье, корм, продовольствие’, *стравний* ‘съестной, съедобный’, *стравня* ‘пропитание, корм’, *стравувати* ‘кормить, питать, содержать’ (Гринченко 4: 212), *потрава* ‘кушанье, блюдо’: «Ріжуть на потраву птицю або й поросю» (Гринченко 3: 381); бел. *страва* ‘еда, кушанье’: «Всяку страву, ека е, загадваюць на дзеды, шоб я несла у Прыпець, дзе вон утопіўса»; *стравіна* ‘то же’, *стравіць* ‘съесть’: «Зайшлі корову ў жыто да стравілі ўсе» (ТС 5: 103–104).

Приведенный выше краткий обзор основных лексических средств, используемых славянскими языками для выражения понятий питания и пищи, позволяет сделать два заключения. Во-первых, он еще раз подтверждает, что сфера питания, потребления пищи, рассматриваемая в перспективе индивидуума (потребляющего пищу человека), несмотря на кардинальную роль питания как источника жизни, разработана в славянских языках слабо в отношении лексическом и семантическом (при очень богатой номенклатуре конкретных видов пищи), тогда как

соответствующая каузативная лексика, категоризирующая питание в аспекте взаимодействия субъекта и объекта, наоборот, отличается богатством мотивов и семантической глубиной. Во-вторых, каузативная лексика кормления-питания обнаруживает отчетливую тенденцию к трактовке питания в социально-этическом ключе, в контексте взаимодействия людей друг с другом (в том числе с детьми, стариками и немощными), с животными (прежде всего со скотом), растениями и вообще с окружающим миром, по отношению к которому «кормящий» человек выступает как личность, принимающая на себя ответственность за жизнь, видящая в кормлении-питании способ поддержания жизни. Отсюда устойчивая семантическая связь кормления с мотивами содержания, заботы, защиты, сохранения, наблюдения, ухода, лечения, воспитания, взращивания и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

- АОС: Архангельский областной словарь. 1980–. Вып. 1–. Гецовой, О. Г. (отв. ред.)
 Апресян, Ю. Д. 2006. Фундаментальная классификация предикатов. В: *Языковая картина мира и системная лексикография*. Апресян, Ю. Д. (отв. ред.). М.: Языки славянских культур, 75–110.
- БЕР: Български етимологичен речник. 1971–. Т. 1–. Георгиев, В., Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев (et al.) (сост.). София.
- РБЕ: *Речник на българския език*. 1895–1904. Т. 1–5. Геров, Е. (сост.).
- СУЯ: *Словарь украинского языка*. 1907–1909. Т. 1–4. Гринченко Б. Д. (фото-механическое воспроизведение: Київ, 1958–1959).
- ГСБМ: *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*. 1986–. Т. 1–. Мінск.
- Гура А.В. 2008. О вкусовом коде свадьбы. *Етнолінгвистичка проучавања српског и других словенских езика*. Београд, 147–161.
- ТСВЯ: *Толковый словарь живого великорусского языка*. 1912. Т. 1–4. Даль, В. И. Изд. 3-е. Москва–СПб.
- ЕПР: *Еда по-русски в зеркале языка*. 2013. Москва.
- ЕСУМ: *Етимологічний словник української мови*. 1982–2012. Т. 1–6. Київ.
- Иванов, В. В. 1961. К этимологии русского пасти. *Сборник статей по языкознанию памяти М. В. Сергеевского*. Москва, 105–119.
- Иванов, В. В. 2007. Из индоевропейской обрядовой терминологии. «Хранить слово». *Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти В. Н. Топорова*. Москва, 43–50.
- Кабакова, Г. И. 2013. Названия трапезы в русских диалектах. *Ethnolinguistica slavica. К 90-летию академика Н.И.Толстого*. Москва, 330–343.
- Кодови словенских култура 2/1997*. Храна и пиће. Београд.
- Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда*. Москва, 2011.
- Куркина, Л. В. 2013. К этимологии слав. *СҮГЪ (в развитие идей Ф.Миклошича). *Miklosichiana bicentennialia. Сборник у част двестоте годишњице рођења Франца Миклошича*. Грковић-Мејдор, Ј., А. Лома (ур.). Београд: Српска Академија наука и уметности, 135–143.

- КЧДС: *Картотека чешского диалектного словаря*. Брно.
- СГУК: *Словарь говоров уральских (яицких) казаков*. 2002–2003. Т. 1–4. Малеча Н. М. Оренбург.
- РМЈ: *Речник на македонскиот јазик*. 2005. Мургоски З. Скопје.
- СБН: *Словарь белорусского наречия*. 1870. Носович И.И. СПб.
- ПТЗ: *Пир–трапеза–застолье в славянской и еврейской культурной традиции*. 2005. Москва.
- ПОС: *Псковский областной словарь с историческими данными*. 1967–. Вып. 1–.
- Пьянкова, К. В. 2008. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект. Диссертация канд. филол. наук. Екатеринбург.
- РСБКЕ: *Речник на съвременния български книжовен език*. 1951–1959. Т. 1–3. София.
- РСХКЈ: *Речник српскохрватског књижевног језика*. 1967–1969; књ. 1–3. 1971–1976; књ. 4–6. Нови Сад – Загреб: МС – МХ (т. 1–2); МС (т. 3–6).
- РСХКНЈ: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. 1959–. Т. 1–. Београд: САНУ – Институт за српски језик.
- Руссо, М. М. 2011. Лексические источники названий «народных царств». Lexical sources of the names of “folk kindoms” in folkbiology. (ел. извор). iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/...
- САР: *Словарь Академии Российской*. 1789–1794 (2001–2005). Т. 1–6. Москва.
- СГРС: *Словарь говоров Русского Севера*. 2001–. Т. 1–. Матвеев, А. К. Екатеринбург.
- Седакова, И. А. 2000. О сладком в языке и культуре болгар. *Etnolingwistyka* /12/, 155–165.
- СОГ: *Словарь орловских говоров*. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4. Орел, 1992–. Вып. 5–СПГ – *Словарь пермских говоров*. Пермь, 2000–2002. Т. 1–2.
- СПЗБ: *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*. 1979–1986. Т. 1–5. Мінск.
- Срезневский, И. И. 1893–1903. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1–3. СПб.
- СРНГ: *Словарь русских народных говоров*. 1965–. Вып. 1–. Филин, Ф. П., Ф. П. Сороколетова (ред.). Москва.
- Толстая, С. М. 2006. О семантике каритивности (слав. **prěsnъ* и его семантические партнеры). *Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж.Ж. Варбот*. Москва, 363–380.
- Толстая, С. М. 2006а. «Разноосновные» глаголы в русском языке. *Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu*. Kraków, 365–372.
- Толстая, С. М. 2009. ‘Кормить’ и ‘хоронить’ (к семантической реконструкции славянской погребальной лексики). *Studia etymologica Brunensia* 6. Praha: Lidové noviny, 341–355.
- Толстая, С. М. 2016. Питание и воспитание в зеркале славянской лексики. *Вопросы языкознания* № 2.
- Топоров, В. Н. 1959. *Slovenica. Вопросы славянского языкознания* 4, 90–99.

- ТП: *Традиционная пища как выражение этнического самосознания*. 2001. Москва.
- ТРЗ: *Традиционное русское застолье*. 2008. Сборник статей. Москва.
- ТС 1–5: *Тураўскі слоўнік*. 1982–1987. Т. 1–5. Крывіцкі, А.А., Г.А. Цыхун, І.Я.Яшкін (сост.). Мінск.
- ТСБМ: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. 1977–1984. Т. 1–5. Мінск.
- ФАС 1–4: *Этимологический словарь русского языка*. 1964–1973. Т. 1–4. Фасмер, М. (сост.), О. Н. Трубачева (пер. с нем. и доп.). Москва.
- ЭСБМ: *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. 1978–. Т. 1–. Мінск.
- ЭССЯ: *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. 1974–. Т. 1–. Трубачев, О. Н. (ред.). Москва.

- DSM: *Dialektický slovník moravský*. 1906. Bartoš, F. (sost.). Praha.
- SEJP: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. 2005. Boryś, W. (sost.). Kraków.
- SEJP: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. 1957. Brückner, A. (sost.). Warszawa.
- ESJS: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. 1989–. 1–. Praha – Brno.
- HSSJ: *Historický slovník slovenského jazyka*. 1991–. 1–. Bratislava.
- SRPS: *Slovensko-ruský prekladový slovník*. 1950. Т. 1–2. Isačenko, A. V. (sost.). Bratislava.
- PSJČ: *Příruční slovník jazyka českého*. 1935–1957. Т. 1–8. Praha.
- RHSJ: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. 1880–1976. D. 1–23. Zagreb: JAZU.
- SGP: *Słownik gwar polskich*. 1979–. Т. 1–. Kraków.
- SSKJ: *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. 1970–1991. Knj. 1–5. Ljubljana.
- SSN: *Slovník slovenských nářečí*. 1994–. Т. 1–. Bratislava.
- SGK: *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. 1967–1976. Т. 1–7. Sychta B. (sost.). Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk.
- Šivic-Dular, A. 1999. *Besedna družina iz korena *god- v slovanskih jezikih*. Ljubljana.

Svetlana Tolstaya

LEXICAL FIELD OF FOOD AND FEEDING IN SLAVIC LANGUAGES (TOWARDS A TYPOLOGY OF “GENERAL” DENOMINATION)

S u m m a r y

This paper presents Pre-Slavic nouns and verbs related to the semantics of food and feeding: *ed- (еда, есть), *кѣтм- (корм, кормить), *pit- (питать, пища), *trav- (Pol. strawa), *syt- (сытый, насыщать), *xorn- (Slav. храна, хранити), *živ- (Pol. pożywienie, Cz. žít), *sil- (Pol. posiłek), *krěp- (Pol. krzepić), etc., as well as semantically related motives: “sustain life” – ‘поддерживать жизнь’, “protect, shelter” – ‘охранять, защищать, укрывать’, “bring up, raise, educate” – ‘растить, воспитывать’, “to pasture cattle” – ‘пасти скот’, etc.